

«РЕАЛЬНОСТЬ» И «ЛИТЕРАТУРНОСТЬ» В КНИГЕ А.Н. ЯХОНТОВА «ПУТЕШЕСТВИЕ В СЕВЕРНЫЙ КРАЙ РОССИИ»

В статье сделана попытка проанализировать ранее не привлекавшие внимание ученых следствия методологии «конкретного литературоведения» применительно к литературе «для народного» чтения – на примере книги псковского поэта и переводчика А.Н. Яхонтова «Путешествие в Северный край России» (1886). Делается вывод о функционировании в структуре текста не характерных для сочинений этого жанра комбинаций «реальности» и «литературности», создающих эффект «прямой достоверности» (Д.С. Лихачев) при посредстве художественной составляющей, возводящих «существенность» крестьянской жизни в статус общечеловеческого бытия.

А.Н. Яхонтов, «Путешествие в Северный край России», структура, текст, «конкретное литературоведение», Д.С. Лихачев.

The article attempts to analyze the methodology of «specific literary criticism» effects, which haven't previously attract the attention of scientists, in relation to the literature «for public reading» – by the example of a book by Pskov poet and translator A.N. Yakhontov «Journey to the Northern Territory of Russia» (1886). There is a conclusion about the functioning of «reality» and «literary» combination in the text's structure, which is not specific to the works of this genre, creating the effect of «direct veracity» (D.S. Likhachev) by means of the artistic component and putting up the «materiality» of peasant life into the status of universal life.

A.N. Yakhontov, «Journey to the Northern Territory of Russia», the text's structure, «specific literary criticism», D.S. Likhachev.

Введение

Методология, определяющая специфику «конкретного литературоведения», включает в себя ряд терминов и понятий, функционирующих в иных, многообразных областях филологического знания. При этом в названной области данные дефиниции могут обнаруживать ранее не раскрытые потенции, проявлять новые свойства, не востребованные прежде в научном обиходе. Сказанное относится, в частности, к универсалиям «реальность» и «литературность», которые Д.С. Лихачев рассматривает в качестве оппозиции «прямой достоверности» и достоверности «вымышленной»: «<...> стремление к прямой достоверности не совпадает с требованиями литературности» [4, с. 224].

Вместе с тем, в трудах Д.С. Лихачева две эти составляющие рассматриваются во взаимодействии, функционируя в общем контексте «пограничной зоны между реальностью и литературой» [4, с. 225]. Ими определяется фактор творимой на новых основаниях «достоверности», имеющей прямое отношение к сфере искусства. В том же ключе представлены многие «конкретные наблюдения» в исследованиях Р.М. Лазарчук, определяя тенденцию к «реальному пониманию стиля» [4, с. 225] таких крупных поэтов, как К.Н. Батюшков и М.Н. Муравьев. Комментарий к «Моим пенатам» К.Н. Батюшкова выстраивается, например, как подкрепляемый и направляемый жизненными «реалиями», значимыми для понимания художественной специфики стихотворения с присущей ему образностью. «И если это так, – развивает свою мысль исследователь, – то и “полузаржавый меч прадедов тупой” <...> – не только поэтический образ, но и биографическая реалья: все Бердяевы были военными» [3, с. 112]. В данном случае подход Р.М. Лазарчук можно, в целом, определить как стремление, вслед за Д.С. Лихачевым, подчеркнуть в развитии литературы «нарастание художественной

достоверности за счет достоверности прямой» [4, с. 224].

Продолжая изыскания в данном научном направлении, рассмотрим другую, не менее значимую комбинацию элементов «реальности» и «литературности», мотивированную иной закономерностью. Ее составляют: 1) отступление от «прямой», фактографической «точности» ради не буквального, ориентированного на «вымысел» показа действительности [4, с. 431–439]; 2) «возвращение» в как таковую существенность, получившую в глазах читателей статус высшей «достоверности» после отражения ее сферой художественной как носителем универсального, культурного и человеческого опыта.

Основная часть

Речь идет о сочинениях «для народного чтения», требования и задачи которых в 1880-е гг. были освоены и плодотворно применены в деятельности литератора-псковича, неуклонно способствовавшего пропаганде идей народной грамотности, небезызвестного в свое время поэта и переводчика Александра Николаевича Яхонтова (1820–1890). Более сорока лет проживший в Пскове, часто бывавший в Петербурге и совершивший несколько заграничных путешествий, Яхонтов никогда не был на Севере – тем примечательнее принадлежащее ему сочинение, посвященное данной тематике, – «Путешествие в Северный край России» (1886). Выпавшая из библиографических перечней [7] и – насколько можно судить – не упоминаемая в фундаментальных исследованиях литературы «для народного чтения» книга Яхонтова до сих пор интересует лишь его биографов [1]. Тем важнее проанализировать текст в категориях «конкретного литературоведения»: основная, очевидно, достигнутая автором цель («Русская мысль» писала: «Это хорошо изданная книжка включает в себе интересные сведения о природе края,

об его жителях и их быте. В ней находятся и полезные исторические данные. *Путешествие в Северный край России* украшено удовлетворительно выполненными рисунками и стоит недорого (20 копеек за книжку в 135 страниц)» [6, с. 124]), отражая самые насущные и злободневные потребности текущей современности, претворяется Яхонтовым в литературно усложненной форме, не характерной для других его сочинений того же жанра: «Город Псков и его окрестности», 1886 [9], «Царствование императора Александра Первого Благословенного» 1890 [10] и др.

Традиционно писатель берет на себя роль «составителя», но в «Путешествии в Северный край России» проблема состава текста (точнее, его многосоставности) выходит за рамки осуществляемой жанром тенденции к «нетворческому творчеству» [4, с. 222]. Критерий «прямой достоверности», от соблюдения которого, по мнению Яхонтова, зависят доступность и усвояемость сочинения крестьянской средой, рождает не ожидаемые информативные и обучающие тексты, а разного рода «сплавы» художественно-публицистического свойства. Гарантами истинности повествования становятся не реальные личности и связанные с ними биографические, исторические и тому подобные сведения, а персонажи вымышленные – просвещенный помещик новой эпохи, «владелец села Никольского Ярославской губернии Николай Федорович П.» и его подопечный, талантливый юноша из народа, стремящийся к просвещению, «девятнадцатилетний, здоровый и красивый крестьянский парень соседней с селом деревни – Дмитрий Ильин» [8, с. 4], должные, по мысли Яхонтова, представить лучшие стороны национального характера.

Сообщенные «составителем» подробности, относящиеся к этим лицам, делают их, с одной стороны, более узнаваемо «достоверными» в глазах современников: «Николай Федорович П. как есть – настоящий земский человек – великорусский молодой помещик, лет 40, имел хорошее состояние и слыл в своем уезде за полезного и просвещенного земского гласного. В своем имении завел он образцовую школу, в которой обучалось до 70 крестьянских детей <...>»; «Один из учеников, окончивший уже 5 лет тому назад курс в школе, Дмитрий Ильин, был любимцем Николая Федоровича и постоянно пользовался от него книгами и добрыми советами» [8, с. 4–5]. С другой стороны, предлагаемая текстовая организация способна вызвать ассоциации, связанные с известными литературными героями и апробированными художественными формами. Так, функция «составителя» может восприниматься по аналогии с ролью Издателя в структуре пушкинских «Повестей Белкина» и подобных жанровых образований: именно к «составителю» попадают «Путевые записки Дмитрия Ильина», писавшиеся во время путешествия его и Николая Федоровича по русскому Северу. Из качества *буквального* «составителя» персонифицируется в художественно самоценное явление, имеющее определенное «лицо», снабжающее «записки» комментариями, подстрочными примечаниями и т.д.

«Прямая достоверность», таким образом, строится на обращенных одновременно к «реальности» и литературному опыту, документальным источникам и художественной стилистике уровнях текста. Это могут быть беллетризованные, «живые» впечатления путешественников, проделавших путь от Вологды до границы с Норвегией, посетивших Архангельск и другие северные города, побывавших на Соловках, повидавших разнообразные природные явления на суше и на море. Носителями «литературности» устного слова становятся фольклор, прямая речь. Воспроизводятся «толки» [8, с. 19] разнородной массы: коренных обитателей Севера, матросов, богомольцев, монахов, охотников, безымянных попутчиков, создающих атмосферу многоголосья, вовлекающую в себя не только путешественников, но и читателя.

Органично включается в структуру повествования широко применяемая художественной словесностью «система рассказчиков»: ими становятся сами герои, «грамотный мещанин», китолов Климыч [8, с. 19], огородник-монах в Соловецком монастыре, бывалый охотник на моржей Савелий Иванов. Одновременно рассказчики выступают в роли свидетелей и очевидцев значимых в концепции книги явлений настоящей и прошлой жизни Севера: не доступные собственному опыту путешественников, эти явления получают статус лично удостоверенной подлинности, побуждают читателя к расширению специальных познаний, сохраняя качество занимательности в литературно обработанном изложении.

Таким образом, осложняется вопрос, о котором Д.С. Лихачев размышляет в связи с функциями «конкретного литературоведения»: «книжная» публицистичность текста, выражающая его главные, воспитательные и образовательные, цели, в ряде случаев «маскируется» средствами и приемами повествования, применяемыми для достижения «художественной достоверности» [4, с. 224]. Одновременно те же средства и приемы могут быть восприняты читателем под знаком «прямой достоверности». В представлении Яхонтова, таким способом может быть найден путь наиболее эффективного воздействия на «среду простого народа», как говорилось в предуведомлении издателей [8, без стр.]: убеждает и просвещает крестьянина не беллетристика (в чистом виде), но и не познавательный в собственном смысле слова, учебный текст. Несмотря на признаваемую полезность того и другого в деле народного воспитания, Яхонтов «устанавливает истину» [3, с. 10] с помощью соположения факта и вымысла, что должно раздвинуть круг привычной крестьянину сущности, воссоздав – на почве мира реального – фантастически многообразный, большой, незнакомый ему мир.

Письменные источники при этом также наделяются правом «голоса», персонифицируются из статически нейтральных текстов в активных участников коллективного «сотворчества». Именно поэтому структура текста не только не вуалируется Яхонтовым, но и предельно обнажается: дневниковые записи Дмитрия Ильина – это «первичный текст», который под пером его наставника, Николая Федоровича

П., проходит литературную обработку и сам становится источником. В примечании «составителя» об этом сказано следующее: «В этих записках Дмитрию Ильину принадлежит только передача личных его впечатлений, рассказ о том, что бросается в глаза каждому путешественнику; все же остальное дополнено Николаем Федоровичем, – рукой которого написаны многие страницы, – отчасти по собственным его наблюдениям, отчасти из имевшихся под рукой описаний нашего крайнего Севера. Издания, из которых сделаны им позаимствования, следующие: *Год на Севере* С. Максимова, *Соловки* В.И. Немировича-Данченко, *Живописная Россия* изд. М. Вольфа, *Отчествование* Д. Семенова, *Архангельские Китоловы*, повесть А. Сетковой и пр.» [8, с. 7–8].

В то же время «литературное путешествие» призвано сохранить живую реакцию его главных героев на увиденное и услышанное (иначе исчезнет разница между «записками» и находящимися на библиотечных полках «полезными» книгами). Текст нацелен, в первую очередь, не на читателей – он адресован благодарной аудитории слушателей. В данный момент их сообщество с трудом пробивается к грамоте [11], но оно уже готово откликнуться на живое убеждающее слово. «“Знаешь ли, Митя, что я хочу предложить тебе? – прервал его <...> Николай Федорович. – Все, что мы увидим, нам надо будет записать: без этого – многое забудется и путешествие наше принесет нам мало пользы. Возьмись-ка ты вести путевые записки. Как вернемся домой, мы их пересмотрим, исправим и отдадим в школу: пускай учитель читает их по воскресениям. Он мастер читать: народу наберется много”» [8, с. 6–7].

Яхонтов прибегает к цитированию источников, переводя цитируемое в план личных переживаний путешественников. Действенность их слов от этого возрастает, теряет безличную объективность, убеждая не прямым, «готовым» смыслом, а стоящим за ним непосредственным чувством. Для стилистики книги характерен перевод «чужого слова» (при почти дословном цитировании источников) в речь героев, окрашенную их собственным отношением к предмету и нередко дополненную скрытыми нравоучительными сентенциями, принадлежащими Яхонтову. Например, рассуждение Вас.И. Немировича-Данченко о контрасте нищенской и погруженной в нравственные безобразия крестьянской жизни и благоустроенного, морально и физически упорядоченного быта в стенах Соловецкого монастыря в упомянутой Яхонтовым книге «Соловки. Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами» (1874) подается как внутренний монолог лично убедившегося в этом и применившего увиденное к себе Дмитрия Ильина: «<...> и того, что мы видели на Соловках, довольно, чтоб помнить всю жизнь. Как сравнить здешние порядки с нашими, крестьянскими? Ведь и сюда приходили жить такие же крестьяне, как и наши, а как они теперь то живут! Любо-дорого! У нас в деревне – везде грязь и нечистота; редкий дом исправный. У иного хозяина в одной и той же избе и сам он с семьей, и куры и телята, а то и поросята ночуют... <...> Везде у нас беспорядок <...>. Корма для скота не хватает у нас до весны, в придет неуро-

жайный год – и сами голодаем, продаем последнюю скотинку, ребятам молока достать негде... да что уже и говорить! По совести, сами мы во многом виноваты! Вот – Царь дал нам волю: что же мы с нею сделали?» [6, с. 67–68].

Интересен способ введения в книгу художественного текста – фрагментов сочинения А. Сетковой «Архангельские китоловы» (1883). «Составитель» выбирает эпизоды, которые представляются ему наиболее важными для демонстрации лучших качеств русского простолюдина, проходящих испытание Севером: самоотверженности, храбрости, физической и духовной стойкости, всепобеждающего чувства товарищества, скромности, уважения к старшим и др. Соответственно, близко к книжному источнику приводятся сцены труднейшей охоты на китов – единоборства, в котором побеждает человеческая воля, и не менее опасный поединок с «чудовищами» – белыми медведями.

Данный текст в составе «Путешествия...» получает двойную мотивацию – как «человеческий документ» (свидетельство бывшего шкипера-китолова Климьча, персонажа повести А. Сетковой) и как немаловажный психологический и нравственный стимул в формировании личности героя, Дмитрия Ильина. Убедительность именно этих эпизодов «Архангельских китоловов» обеспечивается объективным и субъективным факторами: качествами рассказчика (Климьч – «лет 50 с небольшим, коренастый, крепкий человек; любит поговорить и рассказывать мастер» [6, с. 19]) и, с другой стороны, способностью откликаться на достоверные рассказы о мужестве северных охотников героя-слушателя: «Заслушались мы, как стал он нам рассказывать о прошлогоднем весеннем лове и до поздней ночи все слушали. Я записывал из его рассказов то, что мог удержать в памяти» [6, с. 19–20].

Выводы

Текст книги Яхонтова выявляет то, что современная наука определяет как «единство текста и метатекста» [2]. К экспериментаторству Яхонтова применима мысль Ю.М. Лотмана относительно «общения между текстом и культурным контекстом»: «В данном случае текст выступает в коммуникативном акте не как сообщение, а в качестве его полноправного участника, субъекта – источника или получателя информации» [5, с. 161].

В «Путешествии в Северный край России» Яхонтов, безусловно, усилил – в рамках достаточно тривиальной, серийной литературной продукции – творческое начало, при этом не уклоняясь от главной задачи изданий «для народного чтения», устремленных к эффекту доходчивого, прямого воздействия на личность крестьянина. Яхонтов решал поставленную задачу двояким образом, варьируя способы письма при помощи постоянного замещения друг другом критериев «истины» и «вымысла», «литературности» и «достоверности». Компилятивная форма, в результате, получила значимость текстопорождающего фактора, обозначив возможности литературного эклектизма, на которые указывал Д.С. Лихачев: «Эклектические системы стиля можно рассмат-

ривать как системы, находящиеся в неустойчивом равновесии. Если такой системе сообщить небольшой импульс, то возникнут явления, которые могут привести либо к полному расстройству всей системы, либо к созданию новых стилей» [4, с. 448].

Литература

1. Вершинина Н.Л. «Путешествие в Северный край России» // А.Н. Яхонтов и его книга «Народная война 1812 г.». Псков, 2012. С. 34 – 45.
2. Иваньшина Е.А. Культурная память и логика текstopорождения в творчестве М.А. Булгакова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2010. URL: <http://cheloveknauka.com/kulturnaya-pamyat-i-logika-tekstoporozhdeniya-v-tvorchestve-m-a-bulgakovaCtvbjnrf>
3. Лазарчук Р.М. К.Н. Батюшков и Вологодский край: Из архивных разысканий. Череповец, 2007.
4. Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература // Лихачев Д.С. Избр. работы: в 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 221–475.
5. Лотман Ю.М. Текст как семиотическая проблема // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 158–220.
6. Русская мысль. 1886. Кн. 2.
7. Шпицберген в русской истории и литературе: Краткий исторический очерк русских плаваний и промыслов на Шпицбергене и Подробный указатель литературы и архивных дел, относящихся к этим вопросам / Сост. А.Ф. Шидловский. СПб., 1912. С. 10–44.
8. Яхонтов А.Н. Путешествие в Северный край России. Издание С.-Петербургского Комитета Грамотности, состоящего при Императорском Вольном Экономическом Обществе / Составлено А.Н. Яхонтовым. С.-Петербург: Типография В. Киршбаума, 1886.
9. Яхонтов А.Н. Город Псков и его окрестности / Издание учрежденной по Высочайшему повелению Министром народного просвещения Постоянной комиссии по устройству народных чтений / Составил А. Яхонтов. С.-Петербург: Типография Ф. Елеонского, 1886.
10. Яхонтов А.Н. Царствование императора Александра Первого Благословенного / Издание учрежденной по Высочайшему повелению Министром народного просвещения Постоянной комиссии по устройству народных чтений / Составил А. Яхонтов. С.-Петербург: Типография А. Катавского, 1890.
11. Яхонтов А.Н. Заметка о земских начальных школах // Вестник Европы. 1884. Т. VI. № 2 (декабрь). С. 866–875.

References

1. Vershinina N.L. «Puteshestvie v Severnyy kray Rossii» [Travel to the Northern region of Russia]. A.N. Yakhontov i ego

kniga «Narodnaya voina 1812 g.» [A.N. Yakhontov and his book "National War of 1812."]. Pskov, 2012, pp. 34–45.

2. Ivan'shina E.A. Kul'turnaya pamyat' i logika tekstoporozhdeniya v tvorchestve M.A. Bulgakova: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Cultural memory and logics of text creation in the works by M.A. Bulgakov. Ph.D. diss.(Philology)]. Voronezh, 2010. URL: <http://cheloveknauka.com/kulturnaya-pamyat-i-logika-tekstoporozhdeniya-v-tvorchestve-m-a-bulgakovaCtvbjnrf>

3. Lazarchuk R.M. K.N. Batyushkov i Vologodskii krai: Iz arhivnyh razyskanii [K.N. Batyushkov and Vologda region: From archival investigations]. Cherepovec, 2007.

4. Lihachev D.S. Literatura – real'nost' – literatura [Literature – reality – literature]. Lihachev D.S. Izbr. raboty: v 3 t. [Likhachev D. S. Select. works: in 3 t.] Moscow, 1987, T. 3, pp. 221–475.

5. Lotman Yu.M. Tekst kak semioticheskaya problema [Text as semiotics problem] // Lotman Yu.M. Istoriya i tipologiya russkoi kul'tury [Lotman Yu.M. History and typology of the Russian culture]. St. Petersburg, 2002, pp. 158–220.

6. Russkaya mysl' [Russian thought], 1886, Kn. 2.

7. Shpicbergen v russkoi istorii i literature: Kratkii istoricheskiy ocherk russkikh plavaniy i promyslov na Shpicbergene i Podrobnnyy ukazatel' literatury i arhivnyh del, otnosyashchihysya k ehtim voprosam [Spitsbergen in Russian history and literature: A short historical sketch of the Russian sailing and crafts on Spitsbergen and the Detailed index of literature and the archiving relating to these questions]. S.-Peterburg, 1912, pp. 10–44.

8. Yakhontov A.N. Puteshestvie v Severnyy kray Rossii. Izdanie S.-Peterburgskogo Komiteta Gramotnosti, sostoyashchego pri Imperatorskom Vol'nom Ehkonomicheskom Obshchestve [Travel to the Northern region of Russia. The edition of. - the St. Petersburg Committee of Literacy belonging to Imperial Free Economic Society. Is made by A.N. Yakhontov]. S.-Peterburg, Tipografiya V. Kirshbauma, 1886.

9. Yakhontov A.N. Gorod Pskov i ego okrestnosti [The city of Pskov and its vicinities]. Izdanie uchrezhdennoi po Vysochaishemu povelению Ministrom narodnogo prosveshcheniya Postoyannoi komissii po ustroistvu narodnyh chtenii. Sostavil A. Yakhontov. S.-Peterburg: Tipografiya F. Eleonskogo, 1886.

10. Yakhontov A.N. Carstvovanie imperatora Aleksandra Pervogo Blagoslovennogo [Reign of the emperor Alexander the First the Blessed (Blagoslovenniy)]. the Edition by the Minister of national education of the Permanent commission on the national readings founded on the Highest command / was made by A. Yakhontov. St.-Petersburg: A. Katavsky's printing house, 1890.

11. Yakhontov A.N. Zametka o zemskih nachal'nyh shkolah. Vestnik Evropy [The Bulletin of Europe], 1884, T. VI, № 2 (December), pp. 866–875.